

Цзян Хуай поставил телефон вертикально на кухонную стойку, повернулся и вытер мокрые руки бумажным полотенцем:

— Угу.

Цзян Ли оглядела обстановку за спиной сына... С тех пор как Цзян Хуай вместе с Цзян Синсин переехал в новую квартиру, она еще ни разу не прилетала на родину. Но по виду это была кухня: перед объективом камеры лежала охапка капустных листьев.

— Сам готовишь?

Цзян Хуай снова буркнул:

— Угу.

Во многих случаях Цзян Ли не звонила сыну первой просто потому, что не знала, о чем с ним говорить. Он уже вырос, превратившись из того крошечного карапуза во взрослого парня... и больше в ней не нуждался.

Затянулось молчание. Спустя полминуты Цзян Ли задала третий вопрос:

— Промежуточные экзамены уже прошли? Как сдал?

Цзян Хуай обернулся и промолчал: «...»

Как аукнется, так и откликнется: любишь спрашивать про чужие оценки — будь готов отвечать за свои.

— Я еще не сдавал, — проговорил Цзян Хуай и после короткой паузы добавил: — А вот Цзян Синсин уже сдала.

Стрелки были успешно переведены, и А-Цай мгновенно оказалась под огнем. Цзян Ли спросила:

— О... И как успехи у Синсин?

Цзян Хуай ответил наугад:

— Так себе.

На самом деле, да и без его слов Цзян Ли прекрасно всё понимала. Цзян Синсин училась из рук вон плохо. У самого Цзян Хуая в средней школе успеваемость была весьма достойной, но стоило ему поступить в старшие классы, как оценки резко поползли вниз.

Но Цзян Ли больше ни о чем не спрашивала... Не потому, что ей было всё равно, а потому, что не смела.

Когда Цзян Хуай учился в седьмом классе, она уехала работать за границу, оставив на него трех-четырёхлетнего ребенка.

Ее не было рядом. И какими бы бунтарскими строптивостями ни отличался Цзян Хуай в этом возрасте... вся вина лежала на ней. Она не выполнила долг матери — не подарила ему свою заботу и воспитание.

Цзян Ли не раз думала: если бы она знала тогда, в средней школе Цзян Хуая, что компания отправит ее за рубеж... возможно, еще в начальных классах она бы не стала забирать Цзян Синсин из приюта.

Цзян Синсин была подкидышем.

Возможно, из-за врожденного дефекта ног, а может, из-за того, что биологические родители просто не имели возможности вырастить ребенка, Синсин выбросили сразу после рождения. К счастью, ее вовремя заметили прохожие и передали в дом ребенка, сохранив крошечную жизнь.

Цзян Синсин была Омегой. Детям, попадавшим в приют, заранее делали генетические тесты: статус Альфы, Беты или Омеги служил своеобразным ценником, привлекавшим потенциальных приемных родителей.

В детских домах Альфы и Омеги практически никогда не задерживались.

Но Синсин родилась зимой. Должно быть, та зима выдалась слишком суровой, и девочка провела на морозе слишком много времени: даже к двум с лишним годам она так и не научилась говорить, а тесты умственного развития показывали отставание от нормы. К тому же Синсин была хромоножкой. Из-за всего этого, несмотря на статус Омеги, её так никто и не усыновил.

Цзян Ли считала себя матерью и к тому же сама была Омегой, поэтому ей стало искренне жаль эту маленькую искалеченную девочку-Омегу.

Но Цзян Ли и представить не могла, что в конечном счете тяжесть её сострадания и все обязанности по воспитанию лягут на плечи её собственного сына.

Цзян Ли мягко улыбнулась:

— Ладно, ничего страшного. Синсин ведь только в третьем классе...

Она знала, что сын постоянно зовет сестру А-Цай, хотя всегда требовала, чтобы он так не делал. Что за ужасная кличка для маленькой девочки! Она же не собачонка!

Цзян Хуай взял нож и принялся удалять пищевод у креветок. Разговаривать он не любил. Он молчал, и Цзян Ли тоже не находила слов, но, просто наблюдая за тем, как сын готовит, ощущала умиротворение.

Цзян Хуай вымахал очень высоким. Кажется, метрэм восемьдесят один... на целую голову выше ее.

В период активного роста мальчики-подростки обычно выглядят довольно худыми. Цзян Хуай стоял, слегка накренившись над столом, словно туго натянутый тугой лук.

Цзян Ли внимательно вгляделась в изображение сына на экране...

— Цзян Хуай, а что это у тебя на шее наклеено?

Нож едва не соскользнул Цзян Хуаю по пальцу. Он поднял глаза:

— Наклейка. — Сделав небольшую паузу, добавил: — Одноклассник заставил наклеить.

Цзян Ли обомлела. Она отчетливо разглядела чиби-наклейку с пушистым облачком, которая абсолютно не вписывалась в эстетические вкусы юноши-Альфы переходного возраста... Цзян Хуай с самого детства терпеть не мог розоватые тона и чистый розовый цвет.

На лице Цзян Ли расплылась улыбка:

— О, и как зовут твоего одноклассника?

Цзян Хуай нахмурился... Зачем матери это знать?

— Бо Цзянь, — ответил он.

— Бо Цзянь, — повторила Цзян Ли про себя, запоминая имя, и ей показалось, что оно звучит как-то знакомо. Имя, судя по всему, принадлежало парню. Цзян Ли с улыбкой спросила: — Твой парень?

От автора: Председатель: «Да, это я».

Цзян Хуай поднял взгляд, выждал паузу, бросил очищенную креветку в миску и снова опустил голову:

— Нет. Обычный друг.

Цзян Ли опешила.

Цзян Хуай еще не закончил:

— Я ему не нравлюсь.

Мать знает своего ребенка как никто другой. Хотя Цзян Ли давно не приезжала домой, разве могла она не знать характер Цзян Хуая? Она на несколько секунд замолчала:

— Значит, ты в него тайно влюблен?

Цзян Хуай посмотрел прямо в объектив камеры:

— ...

Цзян Хуай никогда ни с кем не встречался и ни разу не рассказывал матери, что ему кто-то приглянулся в школе... Имя «Бо Цзянь» звучало в подобном контексте впервые, пусть даже мать пришла к такому выводу исключительно сама.

Когда у юноши в подростковом возрасте пробуждаются чувства — это хорошо. По крайней мере, так считала Цзян Ли.

Она чувствовала вину перед Цзян Хуаем и не выдвигала к нему никаких требований... Лишь бы сын был счастлив.

Однако столкнувшись с такой ситуацией, когда сын тайком сохнет по кому-то и не смеет признаться, Цзян Ли на мгновение растерялась. Немного подумав, она спросила:

— А тот ребенок... Омега или Бета?

Цзян Хуай снова умолк.

У Цзян Ли возникло нехорошее предчувствие:

— ...Почему ты молчишь?

Цзян Хуай:

— Альфа.

Цзян Ли:

— ...

Цзян Ли не испытывала предрассудков относительно однополых отношений, вроде союза двух Альф или двух Омег. Пусть она и бедствовала несколько лет, но всё же получила хорошее образование. Тот, кто нормально относится к гомосексуалу, не обязательно с легкостью примет то, что его собственные дети окажутся таковыми, но родителям незачем превращать личные предпочтения и требования в мучение для своих детей.

Цзян Хуай ровно сложил капустные листья на разделочной доске и принялся шинковать их на тонкие полоски... Цзян Ли молчала в течение нескольких минут.

Он поднял взгляд:

— Ну не настолько же всё ужасно?

В глазах директор Цзян Цзян Хуай прочел глубочайшую вину... Он не знал, что именно директор Цзян успела навоображать себе за эти пару минут — вероятно, какую-то трогательную до слез историю о недолюбленном Альфе, который готов броситься в омут с головой ради другого Альфы-одноклассника.

Директор Цзян была старше его на двадцать лет, но Цзян Хуай искренне считал, что её психологический возраст уступает его собственному.

По крайней мере, он не строил в голове всякую ерунду целыми днями.

— Он тебе правда так сильно нравится? — наконец спросила директор Цзян.

Цзян Хуай ножом смахнул нашинкованную капусту в миску и, не поднимая головы, отрезал:

— Да нет, так себе. Просто приятен глазу.

Цзян Ли:

— ...

А она-то столько времени ломала голову: если Цзян Хуай искренне предан Бо Цзяню и в свои семнадцать лет уже мечтает прожить с ним остаток жизни, как же ей, как матери, одновременно проявить понимание к его подростковому бунту, уважить его выбор и при этом деликатно предостеречь, что путь «любви между Альфами» полон терний и не стоит действовать на горячую голову.

Однако тон сына звучал так, будто он описывал вовсе не объект тайной страсти, а соседскую собачонку.

Цзян Ли застыла с написанной на лице гаммой сложных эмоций. Помолчав, она вздохнула, не зная, что и сказать:

— ...Тогда относись к нему получше. Если вы учитесь в одном классе, можете вместе ходить обедать. Скоро ведь экзамены, да? Ты учишься лучше его, вот и объясняй ему задачи почаще...

— ...

Цзян Хуай подумал, что если он начнет объяснять Бо Цзяню задачи, то первака всей параллели он гарантированно превратит в замыкающего список.

— Уделяй ему больше внимания, подари какой-нибудь небольшой подарок... Омеги это любят...

— Цзян Ли осеклась. — Альфы тоже любят приятные сюрпризы. Как раз выходные впереди, ты мог бы пригласить его к нам в гости, разве нет?

Цзян Хуай косо взглянул на директор Цзян:

— Вы сейчас учите меня, как подкатывать к кому-то?

— У меня всяко больше опыта, чем у тебя.

— Да уж конечно, с вашим-то единственным... — Цзян Хуай резко умолк и фыркнул: — Ладно, не берите в голову.

Цзян Хуай поставил сковороду на плиту, налил масло и бросил обжариваться лук, имбирь и чеснок. Больше он не проронил ни слова. Цзян Ли хотела что-то добавить, но передумала и просто молча смотрела сквозь экран, как юноша один готовит ужин.

В Америке только наступал рассвет, а в Китае уже сгустились сумерки. Их разделяли тринадцать часовых поясов, но в обоих местах уже царила глубокая осень.

— Когда будешь в третьем классе старшей школы... я временно отложу работу и вернусь на родину, чтобы провести с тобой весь этот год перед гаокао, — произнесла Цзян Ли.

Лопатка в руке Цзян Хуая на мгновение замерла, но он ничего не ответил.

Переложив готовые блюда в тарелки, он поставил их на стол и пошел постучать в дверь А-Цай.

<http://bllate.org/book/18377/1766607>